

"В звуке – вся жизнь" (Коренблиг – Бородаевский)

1. Бог идёт -
2. Солнце-лира -
3. В звуке – вся жизнь -
4. Иволга -
5. Семицкая песня -
6. Моя свирель -
7. Божья коровка -
8. Идиллия -
9. Кто струну перетянул? -
10. Лицо твоё -
11. Молчи и слушай ночь -
12. Гул копыт -
13. Мы – цари -
14. Роза и Лилия -
15. Траурные стрелы -
16. Ах, карета -
17. Бабье лето -
18. Золотая берёзка -
19. Напрасно -
20. 1921 год -
21. Песня стража -
22. Пляска стражей -
23. Судьба моя упорна -
24. Заодно -
25. Лучше мимо проходи -
26. Возле ёлки -
27. Звенит бубенец -
28. Мать и дитя -

Содержание

1. Бог идёт

Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный,
Где каждый час – как дар и каждый миг – певуч;
И в сердце, трепеща, влетает рдяный луч,
Как птица райская из кущи виноградной.

Я пью мой синий день, как брагу хмелевую
Из чьих-то смуглых рук, склонивших древний жбан.
От утра до зари брожу, смятён и пьян,
И землю под ногой жалею и милую.

И тайно верится, что в струях этой влаги
Отныне и вовек душа не отцветёт...
Но тише... Меж дерев – ты слышишь? – Бог идёт.
И ветви, заалев, колышатся, как стяги.

2. Солнце-лира

Солнце-лира!.. Со струн золотых,
Где зачался хорал мирозданья
И творящий восторг не затих,
Льётся песня святого страданья.

И когда в первый час раздались
Под предвечной Рукой эти звуки, –
От огней твоих, Лира, зажглись
Все миры, все обители муки.

Под стенанье пылающих струн
Понеслись круговыми стезями
Сонмы тусклых планет, бледных лун
И комет с голубыми крылами.

И чем громче аккорд, чем больней
Затрепещет под властной Рукою,
Тем свободней, любовней, полней
Мир сольётся с надмирной Душою.
1903

3. В звуке – вся жизнь

В звуке – вся жизнь, вся надежда в торжественном гуле,
В трепете ветра и рокоте вод;
Думы свой круг завершили – устали, уснули;
Сердце смирилось – и ждёт.

Вот из-за рощи волна доплеснула святая
Колоколов.
В синих просторах звезда прочертила, мерцающая,
Мнится: ласкающий зов...
Ты ли, душа, мне родная,
Вышла, любя, из своих берегов?

4. Иволга

В сады моей страны и хмурые дубровы
Ты солнце тропиков на перьях принесла;
И строгой красоты нарушила основы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла.

И крик твой радостный волшебною валторной
Как вызов прозвенит, как дерзостная весть,
Что для любви моей медлительно-упорной
Есть солнце жаркое, и счастье тоже есть!

Когда по синеве пологими волнами
Ты мягко кинешься, твой золотистый след
Хочу я задержать широкими глазами,
В душе зарисовать отрадный силуэт.

В сады моей страны и строгие дубровы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла,

Ты образ женщины любимой принесла,
С ноги заточника снимающей оковы.

5. Семицкая песня

Мы берёзку заплетали,
Мы кукушку поминали
В светлый вешний наш семик.

Небо было – голубое
И веселье – молодое...
Прикасался к лику лик.

К губам – губы, к сердцу – сердце,
Распахнулась настежь дверца
Меж душою и душой.

Гулко квакают квакушки;
Все мы девоньки-подружки,
Это праздник наш родной.

Из одной-то мы деревни,
Мы блюдем обычай древний:
Заплетайся, хоровод!

Парней прочь – бери их леший!
На берёзку ленты вешай,
Лето жаркое нас ждёт.

Будет пёкло, будет страда,
А весной – одна отрада,
Соловей-то: чок-чок-чок!

Только Ваня пусть придёт к нам,
Ваня тихий пусть поёт нам,
Как у норки друг-сверчок.

6. Моя свирель

Моя свирель – из белой косточки:
Слезами щели прожжены.
Когда взойдут, мигая, звёздочки,
И копыа льдистые ясны

Над белым и лазурным глетчером,
И зелень неба холодна, –
Ещё белей холодным вечером,
Ещё умильнее она.

Ко мне свирель моя запросится,
Коснётся губ моих, любя;
И с ней душа к горе возносится,
И с ней — ищу, ловлю тебя!

Вожу очами оробелыми:
И там и здесь – неверный свет...
И мне ль за горными пределами
Найти твой перелётный след?

7. Божья коровка

«Лети туда, где суженый живёт!»
Шепнула ты, — и божия коровка
По белым пальчикам забегала неловко.
Мигнула, поднялась... Слежу её полет.

Над синевой реки чуть видная краснеет.
Слабеют крылышки... Она не долетит!
Твой взор, насмешливый и ласковый, горит,
И ветерок кудрями тихо веет...

За ней, за ней летят твои мечты,
Ты счастья ждёшь. — А божия коровка
Уж тает... Грустно мне. Но радостно плутовка
Смеётся, светлая: «как легковерен ты!»

8. Идиллия

Отгремел последний гром.
Как вином
Упоён наш сад приветный.

Влажный лист в лучах сквозит,
И скользит
Резвый зайчик семицветный.

Тянет дым из поварской,
Над травой
Тихо стелется, молочный.

Звонкий голос прокричит,
Пробежит
Босоножка в час урочный.

Кличет жёлтых гусенят;
И пищат,
Ковыляя вперевалку.

На балкон с тобой придём
И вдвоём
Сядем в шаткую качалку.

Книжку станем разрезать,
Пробегать
И страницы потеряем...

Прочь! Друг друга на побег

В рощу нег
Влажным взглядом призываем.

9. Кто струну перетянул?

Сердце бьётся шибко, шибко –
Жгучий ветер в лицо дохнул.
В чьих руках я – только скрипка?
Кто струну перетянул?

Кто привёл к пересеченью
Двух стремлений, двух путей,
Осенил, как вдохновенье,
Чашу дал и молвил: пей!

Чьею окружен я бездной?
Чьим истерзан я венцом?
Ночью синей, ночью звездной
Встречен Богом? Палачом?

Тишина... Лишь крови шелест.
Слышен дальний чей-то зов.
Я познал святую прелесть
Облетающих цветов.

10. Лицо твоё

Лицо твоё, как светлый храм,
И купол сверху – золотистый.
Как этим северным чертам
Идут и кика и монисты!

В глаза как будто смотрит бор
Зелёных сосенок и елей,
Кивая смотрит – взор во взор –
Сквозь дымку мгlistую метелей.

Слова любви дрожат, текут...
В ответ едва ты двинешь бровью,
Но вьются ленты и зовут
И на груди вскипают кровью.

А там – гудят колокола
От синих струй лесистой дали,
И в сердце сладкая стрела
Несёт нездешние печали.

11. Молчи и слушай ночь

Стихи прочитаны, приветы отшумели,
И самовар погас. – Молчи и слушай ночь.
И совы, может быть, про то, что не сумели
Мы воплотить в слова, проплачут нам — точь-в-точь.

Ты слышишь? Вот они, раскатистые кличи,

Где робкая мольба вдруг перельётся в смех,
Смех истерический, русалочий — не птичий...
И снова жалоба – на смутный миг утех.

А полночь звёздная тиха, – и месяц нежный
На небе выведен, как некий тайный знак;
И шёпоты в листьях о доле неизбежной,
О том, что путь любви прорежет злой овраг...

Куда умчало нас? Иль мы не на балконе.
Где недопитый чай и бедный том стихов,
А в мире чудом вдруг открывшихся гармоний
Божественных и музыкальных сов?

12. Гул копыт

Любишь ржавых тростников
Полусонное шептанье?
Любишь утренних часов
Золотое одеянье?

Любишь дни, как валуны,
В синь реки бросать без счета?
Любишь степи? Табуны?
Ветер? Шмелей диких соты?..

Любишь – Бог тебя дарит!
Выбирай коня любого, –
Вихрем взвейся... Гул копыт
Сердцу слаще говорит,
Чем докучливое слово.

13. Мы – цари

Мы – цари. Жезлом державным
Крепко выи пригибаем
Своенравным.

Нашей воле двигать звенья
Цепи мира вправо, влево
Наслажденье.

Корабли несут нам дани:
Амбру, золото и пурпур.
Взмах лишь длани –

Мерно в бубны ударяя,
Хор плясуний лёгких вьётся...
Девой рая

Будет та, что перст укажет:
Улыбнётся
И к ногам владыки ляжет.

14. Роза и Лилия

Девушка в белом: «Он любит тебя.
Слышишь, как жалобно струны дрожат?»
Девушка в розовом: «Любит тебя.
Помнишь вечерний зардевшийся взгляд?»

Девушка в белом: «Он ласков со мной,
Чтоб о тебе я шептала ему».
Девушка в розовом: «Ласков со мной.
Только я песен его не пойму».

Об руку шли, отдаваясь судьбе.
Тайну откроет цветок на пути!
Девушка в белом: «Вот роза – тебе!»
Девушка в розовом (тихо): «Прости...»
1908

15. Траурные стрелы

Вкруг колокольни обомшелой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.

Над кровью томного заката
Склонённых ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.

Стрижи ватагою победной
Дочертят вещую спираль;
И, догорая, запад бледный
Отбросит пурпурную шаль.

И будут ив бездумны речи,
Как чёрствый ропот старика,
Когда одна стучит далече
Его дорожная клюка.

16. Ах, карета

Ах, карета, что еле плетётся,
Ослабевшими дверцами машет!
Улица грубо смеётся,
Ветер пронзительный пашет...

Голубая обивка слиняла,
И герб облупился древний.
Ты везла меня, дребезжала,
Подпевала душе моей гневной.

Там гуляла любезная сердцу,
Поджидала приезд желанный.
Распахну скрипучую дверцу,

И войдёт с улыбкой венчанной.

Повернут, шатаясь, клячи,
Посвистит толпа, провожая —
Потому, что не могут иначе:
Мы простим, всех простим, дорогая.

Не поедem в наследственный терем,
Распряжем коней, спустим шторы —
И в мечту свою пылко поверим,
И сплетём своих снов узоры.

А на утро покинем карету;
Как бродяга, встал день, беззаботен...
Разнесём наше счастье по свету
Под шарманку у всех подворотен.

17. Бабье лето

Спеши, спеши – короче стебель!
Дробите лист – вся сила в цвет!
Так мало солнца в бледном небе,
Чуть улыбнулось – и уж нет!

Вот на бугре, средь глины бурой
Пригрелся лютик... – как цветёт!
Он до поры успеет хмурой
И просиять — и кинуть плод.

Гвоздика, видно, опоздала:
Малиновый веночек так мал!
Пусть! Ты права, когда искала
Пробить свой корешок меж скал!

А было жёстко, было больно, –
Так больно было – путь искать
И, замирая мимовольно,
О влаге камень вопрошать!

Что было так легко в апреле,
То чудо – в этот краткий срок;
Но мир – весь чудо, и у цели
Смеётся каждый лепесток.

Святое время – бабье лето:
Тепла последний перегон;
Как будто явь — и точно сон;
Как будто песнь – а кем пропета?

18. Золотая берёзка

Вижу там, в багреце заходящих лучей,
Паучок раскачался на нити своей.
— Золотая берёзка, ты удержишь меня?

— Ты закинешь повыше, — повыше меня?

Мимо мошек огнистых летит, упоён,
Как они — окрылён, как они — озарён.
И на ветер пустил хитроумную сеть.
Не беда ведь осенним деньком поговеть!
— Золотая берёзка, ты вскинешь меня?
— Золотая берёзка, ты любишь меня?

В багреце заходящих холодных лучей
Ты проходишь, шурша вдоль пустынных аллей.
Вот замедлишь. И глянешь... И сумрачный взгляд
Изольёт в мою душу томительный яд.

Вырвут слабый, восторженно-жалобный крик
Эти красные губы и каменный лик.
— Золотая берёзка, ты примешь меня?
— Золотая берёзка, ты любишь меня?

19. Напрасно

Колючей молнией венчанное Чело
Точило кровь с высот... Печальный, тихий дождь
Багрил поля. Сквозь желоба несло
Рубинную струю. И мы зывали: «Вождь!

Божественная жертва! За тобой
Все потечёт... Неизречённый час!
Покинем очаги и бледною толпой
Все устремимся на призывный глас!»

Пролился тихий дождь. И огненный закат
На клочьях сизых туч гневливо трепетал,
И сладкий свет надоблачных лампад
Блеснул – и ночь сошла... И каждый засыпал!

А поутру докучный, белый свет,
Как бич, сгонял к заботам и трудам.
И дню угасшему мы говорили: «Нет!
Ты был ли? Нет! Как верить облакам?»

20. 1921 год

Венчанные кровавыми звездами,
Они песнь вольности широкою несут.
И на ветру развеянное знамя,
Пурпурное, гласит: «Они идут».

И мир взирал с надеждой и тревогой
На грозный труд тех роковых людей,
Что, повинувшись чьей-то воле строгой,
Искали неизведанных путей.

Европа порывалась и не смела,
И, мастера краплёных карт, вожди
Коварно говорили: «Не поспело»,
В зачатке убивая мятежи.

Мы кровью изошли на скудных нивах,
И побеждал красноармейский штык.
Но облака на небе были лживы,
И солнце всякий выпило родник.

С Поволжья ширится зловеший голод
И сердце слабое полно тоской,
Оно стучит – стучит, как тяжкий молот,
Взлетающий над крышкой гробовой.

Земля, насытись трупами, устала.
Живые спорят с гробовым червём.
О, Русь, ты правды мировой искала,
И правда обернулась – костяком.

21. Песня стража

Мурлычет сторож песенку
У двери у моей;
Знать, тоже ищет лесенку
Туда, где посветлей.

То кается, то мается,
То будто вовсе пьян...
Так по ветру качается
Замотанный бурьян.

С той песнью в сердце просится
Мечтаний лёгкий рой:
По малой капле точится
За звуком звук родной.

Люби кого приходится.
Кого? Не всё равно ль?
Святую Богородицу
Иль трепетную моль?

На всём печать Господняя,
Везде Его рука,
И песня та свободнее,
Что плачет у замка,

Что стонет понемножечку
Всю ночь напролёт,
Сверлит себе окошечко,
Хоть щёлку на восход.

22. Пляска стражей

Слышу пляски дробный топот
За железными дверями.
Этот – ну в ладоши хлопать,
Семенит другой ногами.
Эй, Тула, Тула – я,
Тула – родина моя!

Ночь длинна, устали стражи,
Подремали сколько надо.
В коридоре свянешь даже –
Невеликая отрада.

Слава Богу, мы не пленны:
Те замкнуты – нам свобода.
Хоть одни и те же стены,
Да иная, знать, природа!

Вот к рассвету близко время.
Оседлай коня-скамейку,
Повод в руки, ноги в стремя –
Догоняй судьбу-злодейку!
Эй, Тула, Тула – я,
Тула – родина моя!

23. Судьба моя упорна

И вот опять судьба моя упорна.
Всё кануло. Все громы отгремели...
И вот на нить я собираю зёрна
Оборванных бездумно ожерелий.

Пусть там, в полях, гудящая валторна
Скликает вихри к хмельной карусели.
Душа, как степь, пустынна и просторна,
Как степь, где веют белые метели.

Зима, зима... Уж по тропинкам сада,
К устам прижав насторожённый палец,
Лукавая не крадется дриада.
Один снегирь, – пурпуровый скиталец, –

Везде, где сердце изошло любовью –
То там, то здесь – сугроб окрасит кровью.

24. Заодно

Печаль мою снежинками
Прохладными овеяло,
Лебяжьими пушинками,
Танцующими феями!

Гуляет хоровод кругом,
Сплетаясь, развеивается,

Велит забыть, молчать о том,
Что горем называется;

О том, что в глубине моей
В бездонном сердце плакало —
Велит молчать круженье фей
Таинственными знаками.

И вот иду. – Мне всё равно:
Пусть сердцу вы не верили.
Я улыбаюсь им давно,
Я с ними нынче заодно,
С порхающими феями!

25. Лучше мимо проходи
Ты в дублёном полушубке
Хороша, как зимний день!
Целовал бы эти губки,
Да подняться что-то лень.

Сапоги твои расшиты,
На подковке каблучок;
Брови хмуры и сердиты,
И нахохлился платок.

А глаза – что у голубки:
Не видал таких во сне...
Целовал бы эти губки,
Только жутко что-то мне.

Слово горькое отрубит
Иль ударит – не беда!
Страшно, если приголубит,
Зацелует навсегда.

Брови хмуры и сердиты,
Ходят бусы на груди...
Нецелованный, небитый
Лучше мимо проходи.

26. Возле ёлки
В шумной зале, где играли
Возле ёлки освещенной, —
Как дриада, в чаше сада,
Меж ветвей смеялась Нелли.
Мы глядели, как блестели
Золочёные орехи,
И глазами, что огнями,
Обожгли друг другу сердце.

Вся краснея и робея,

«Навсегда!» — она сказала.
Это слово было ново... —
«Навсегда!» — я ей ответил.
И, с улыбкой, вдруг, ошибкой,
Мы устами повстречались...
А вокруг ёлки были толки,
Что... играть мы не умеем.

27. Звонит бубенец

Ледяная рука простучала в окошко;
Чей-то голос и смех за стеклом:
— «Мой звонит бубенец и как скатерть дорожка,
В санках мчатся отрадно вдвоём».

И с улыбкой пошёл ты на зов непреклонный:
— «Дайте шубу. Остынешь в пути».
Тронул конь, и помчались порошей взметённой,
И следов не найти, не найти...

Мы остались. Нам пусто. И зябко. И странно.
— «Слышишь там бубенец вдалеке?»
— «То метель разыгралась. То вихрей осанна...
Разводи же огонь в камельке».

И глядим мы туда, через стёкла, на вьюгу;
И нет сил этот сон перевозмочь:
Как помчались они, окликаая друг друга,
В безысходную, бледную ночь.

28. Мать и дитя

С улыбкой детских губ, раскрашенных на диво,
Он смело подбежит и, перед вами став,
Окинет взглядом вас так остро и пытливо
Глазами цвета ранних вешних трав!

И вы потянетесь к остриженной головке,
Звеня запястьями; а он, скользнув, как уж,
Докажет скоро вам, что не всегда вы ловки
И что дитя отважнее, чем муж...

Легки, затопают сафьянные сапожки;
У ваших ног, грозя, сомкнёт он полк солдат,
Рукой коснётся вдруг агата круглой брошки, —
И, не сморгнув, на взгляд ответит взгляд.

А вы потупитесь негаданно-нежданно,
И в сердце запоёт, заноеет, зацветёт,
Как роза пурпура, зияющая рана
И бледность щёк окрасит в свой черёд...